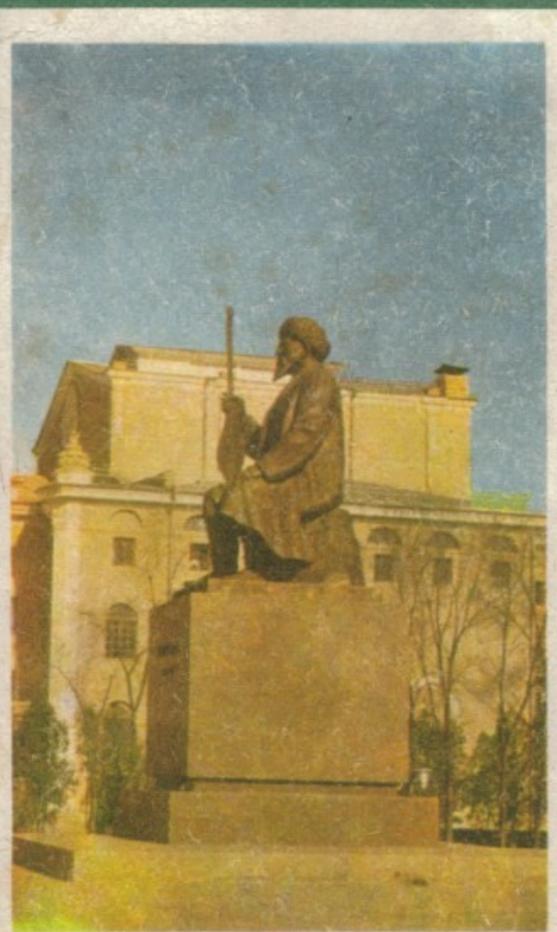

Литературный КИРГИЗСТАН

№ 10
1986

ISSN
0130-
3651

Для справки:

«Литературный Киргизстан» - ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал издавался с 1955 года. Объем издания 130 страниц. В редакционную коллегию входил Ч.Т. Айтматов. Главный редактор А.И.Иванов. В номере №10 в 1986 году в рубрике ПУБЛИЦИСТИКА был опубликован цикл статей про г. Кара-Куль и его жителей.

КАРАКУЛЬСКИЙ ВАРИАНТ

Что выделяет из обилия слов — хороших и разных, торжественных и будничных — это короткое слово: Кара-Куль? Любой житель Киргизии, пожалуй, ответит: их принадлежность к великой стройке на Нарыне. Крохотной точкой, затерявшейся глубоко в горах Тянь-Шаня, смотрится на карте столица киргизской гидроэнергетики, крохотной — но зато какой яркой! Без этого уникального высокогорного «магнита», вот уже четверть века притягивающего к себе сердца и умы, чаяния и надежды тысяч и тысяч людей всех возрастов и профессий, — оскудела бы наша жизнь.

Год от года совершенствуются и крепнут добрые связи между редакцией «Литературного Киргизстана» и гидроэнергостроителями. Эти связи зародились вместе с появлением первых палаток в створе теперешней Токтогулки, и с тех пор открывается редкая в своей суровой простоте жизнь строителей-первопроходцев, наделенных способностью видеть в большой и напряженной работе смысл бытия.

Минувшим летом «Литературный Киргизстан» провел в Кара-Куле выездную творческую летучку, мы встречались с представителями разных поколений и строительных профессий, объединенных одной заботой, одним стремлением — самым лучшим образом делать свое общее дело.

Вот адреса наших встреч: управление строительства «Нарынгидроэнергострой» и автотранспортное производственное объединение, каскад Токтогульских ГЭС и управление механизации строительства, городской Дворец культуры «Энергетик» и строительные площадки Ташкумырской и Камбаратинских гидроэлектростанций... Всюду перед нами раскрывались черты характера каракульца — человека, на наш взгляд, наделенного особым мироощущением, уверенно решающего задачи высшей профессиональной пробы. Из таких вот черт и малых черточек постепенно, исподволь складывается в нашем воображении образ гидроэнергостроителя, чей коллективный портрет мы задумали создать на страницах «ЛК».

Свой почерк

Достоинства коллектива концентрируются в его руководителях. Как в прочем, и недостатки. Несоответствие того и другого кончается обычно разводом. И чем больше степень несовпадения принципов, взглядов, профессионализма, наконец, просто совместимости, тем неминуемей и скорей расставание. Тут не важно, кто прав, а кто ошибается, заблуждается, впадает в крайности, амбиции. Суть в том — быть вместе или врозь. Еще говорят: каков коллектив, таков и руководитель. В сильном коллективе слабый руководитель, пусть приткий даже, со связями, не задержится, будет отторгнут; ток взаимности не просквозит их надежно пульсирующим теплом, как не соединит он металл и дерево, хоть приставляй их вплотную друг к другу.

Казбек Бексултанович Хуриев уже добрый десяток лет руководит коллективом, чей авторитет и в гуще людской, и в сферах высоких настолько крепок, что с ним вынуждены считаться все — по вкусу им это или не по вкусу вовсе. Строительство ГЭС на Нарыне прочно вписалось в судьбу Киргизии, стало ее визитной карточкой, характеризует ее дела настоящим и будущее. И гидроэнергостроители, избалованные, в общем-то, вниманием и заботой, умеющие, к чести их, поворачивать это во благо народа, вправе хотеть и требовать, чтобы во главе их находился человек лучших «гидро-энергетических» кровей.

Хуриев с Нарынским гидрокаскадом связан изначально. Еще Уч-Курганскую ГЭС возводил. Оттуда со своими товарищами и препожаловал на Токтогулку. Будучи человеком технического склада ума, инженером от бога, он долгое время занимался инженерным обеспечением важнейших участков строительства. И это осталось в нем, от природы своей, от привязанности великой никуда не убежишь; он и поныне с удовольствием берется вечерами за решение головоломных задач, на кои так щедра стройка, где чуть ли ни каждый день творится нечто новое, неизведанное в союзной, а то и мировой практике. Участвуя в создании самого коллективе, в процессах его взросления и обновления, Хуриев всегда оставался един, слит с ним во всем — в целях, интересах, желаниях и нуждах. Ежели рядовой гидростроитель еще может себе позволить роскошь иметь какие-то увлечения вне работы, не связанные с ней совершенно, то Хуриев сии соблазны напрочь отринул. Как ни парадоксально это звучит, но истинный руководитель куда ближе к коллективу, чем любая другая его частица. Именно близость, неразрывность со всеми порождает способность постичь, суметь хоть чуточку больше каждого из остальных.

В жизни мне, как и многим из пишущей братии, довелось немало походить по кабинетам разных начальников. И крупных, и поменьше. И с металлом в голосе, и без оного. Но как бы там ни было, в своем кабинете каждый из них угадывается мгновенно — будто сокол на скале или воробей у собственного гнезда. В любом случае что-то происходило такое, что непременно выделяло, отличало хозяина — по манерам, взгляду, жестам. Ах, эти насмешливо-снисходительно-иронические или решительно-требовательно-наставительные выражения начальствующих лиц, их вальяжные, раскованные, а то и стремительные, пружинистые телодвижения, за которыми скрывается, таится, иной же раз прямо-таки прет наружу определенный тип характера кабинетовладельца.

Когда же, приехав в Кара-Куль, я очутился в апартаментах Хуриева Казбека Бексултановича, где проводилась обычная понедельничковая планерка с начальниками производственных подразделений, а их там менее тридцати, то сначала растерялся и не мог сообразить, чего же мне так не хватает.

Глаза привыкли сами, без подсказки, сразу отыскивать, выхватывать из общей массы дирижера, командующего парадом со своего возвышения. А тут осечка. В кресле у письменного стола, что расположен меж двух окон, пусто, нет хозяина. И люди расселись, рассредоточились не в определенном порядке, скажем, полукругом, а кому как удобно. И одеты все по-простецки — кто в клетчатой рубашке, кто в куртке или выгоревшем пиджаке, кто в штормовке. Игры в галстучный этикет здесь ни к чему. Отсюда опять — по строительным площадкам, где вздыблены горы скального грунта, жаркий ветер метет въедливой белесой пылью, грохочут самосвалы и бульдозеры, прорываются сквозь породу в тоннелях шипящие струи подземных вод, растекаясь вокруг огромными лужами, идет управляемой лавиной бетон для плотины, скрежещет металл, вспыхивает и осыпается бенгальскими огнями электросварка, люди врываются в землю и воду, готова к пуску новые ГЭС и рабочие поселки. Понятно, что в начищенных штиблетах и белоснежных сорочках среди всего этого не походишь, да и на смех поднимут. У гидростроителей свой этикет и в одежде, и в отношениях. Веда разговор о своих делах, конкретный, без общих фраз, они не утаивали промахи, не рассыпались в обещаниях и взаимных любезностях. Но не было и крика, нахрапистости, обличительных речей, если кто-то подвел, проштрафился, не сделал намеченного. Только некоторое время спустя мне, примостившемуся у самых дверей (поскольку чуток опоздал, добираясь через перевалы из Фрунзе), удалось увидеть Хуриева, который приоткрылся, когда загородивший его полный, краснолицый мужчина с легким пушком на голове был вызван в приемную к телефону.

Сидел Хуриев как-то сбоку, нейтрально, в текущий разговор вмешивался редко да и то больше с вопросительными интонациями. Хотя вмешательство, казалось бы, требуется веское и безотлагательное. В прославленном коллективе дела шли далеко не блестяще. Удивительно было слышать, когда начальники служб, отчитываясь, называли подчас мизерный процент выполнения месячного плана. У некоторых он доходил всего лишь до половины. А Хуриев посиживал на стульчике возле стены, и его узкое, с крупным носом и выпуклым лбом лицо, обрамленное роскошной гривой седых волос, было задумчиво и невзмутимо. Он напоминал скорее философа; чем руководителя могучего управления.

А, может, подумалось мне тогда, я ошибаюсь, и он, подобно присыпанному пеплом вулкану, вот-вот взорвется? Но этого не произошло. Подавал острые реплики, подрезал нити незримых недоразумений, назревающих столкновений и раздоров чаще всего заместитель Хуриева, главный инженер «Нарынгидроэнергостроя» Вилен Сергеевич Шангин. Он гасил готовые возникнуть конфликты, высказывал предложения, которые позволяли бы стабилизировать или улучшить положение на различных участках. Но и Шангин не пытался прервать кого-то, урезонить, навязать свое мнение. Раскованность была полнейшая. Понадобилось кому отбыть по делам, когда в нем здесь утратилась необходимость, и он делал это по-английски, не прощаясь.

Входили и выходили начальники подразделений...

Входила и выходила секретарша Хуриева, связывающая его то с Харьковом, то с Москвой...

Талгат Умарович Хасанбаев спорил с Икрамом Усмановичем Рахимовым: кто должен продумать и изготовить систему крепежа нестандартного многометрового груза, который по сложной дороге нужно доставить в Камбарату.

Леонид Борисович Рутман, наиболее, пожалуй, резкий, категоричный в суждениях, наступал на Феликса Сергеевича Шангина, брата главного инженера, требуя незамедлительной переброски механизмов в котлован Ташкумырской ГЭС.

Конечно, демократичный настрой в отношениях с подчиненными, исходящий от Хуриева, сам по себе превосходен. И все-таки засела и не давала покоя мысль: а что ежели это — ослабление спроса за недоработки?

Или некие поблажки, чем грешат порой именитые коллективы? Сделали большое дело, а потому, дескать, можно себе позволить атмосферу этакой легкой, освобожденности от жесткой регламентации.

При встрече с Хуриевым я спросил об этом напрямик. Он пожевал губами, в его взгляде из-под мохнатых, темных бровей появилось какое-то смущенно-извиняющееся выражение. Раньше да и потом я не раз замечал это выражение, которое появлялось при совершенно противоречивых обстоятельствах и в разговорах с различными людьми; и было не ясно, ТО ли он извиняется за себя, то ли за своих собеседников.

— Видите ли, — начал он тихим, неспешным голосом человека, который не позволяет слову обгонять мысль, — спрашивать методами, как их называют, жесткими, если эта жесткость — в крике, в стучании кулаком по столу — у нас в коллективе такого не понимают. За все время существования коллектива гидроэнергостроителей подобными методами руководство не пользовалось. Я считаю самым, самым главным, чтобы у исполнителя было чувство ответственности. Если у него есть это чувство, и он весь свой интеллект, опыт, физические способности отдает для продвижения дела, а оно все же не сдвигается, застревает, то здесь криком не возьмешь. Нужен спокойный, тщательный анализ причин: снизу вверх. Бывает, мы не выполняем ту или иную программу, тему, причем, сам не разберешься сходу, почему не тянем. Вот как на той планерке, о которой вы говорите, когда я целый месяц был оторван всевозможными комиссиями и не мог сразу определить: в чем же причина срывов, в чем?

— Каким же образом, Казбек Бексултанович, вы проясняете для себя скрытый механизм неполадок?

— Если, допустим, отстают участки, то изучается положение в бригадах. Ведь, согласитесь, участок не может не выполнить задание, если его выполнили все бригады. От бригады идишь к прорабству и так далее. Иногда две, три недели бьешься, пока не найдешь верное средство и не вытянешь всю цепь. Убежден: без толку возмущаться, если досконально не знаешь причины пробуксовки, не можешь подсказать такой выход, способный реально изменить ситуацию и который другими пока не найден.

Да, критиковать, резонерствовать, указывать, давать накачку, в общем-то, не сложная работа, требующая, пожалуй, навыков, а не высокого напряжения ума. Увидеть недостатки можно где угодно невооруженным глазом. Разнести в пух и прах кого угодно тоже не составляет труда. А вот без-ошибочно найти, из-за чего не клеится, в чем загвоздка и помочь отладить положение — здесь-то и проявляется истинный руководитель. У Хуриева, когда он сталкивается с чужими промашками, прослеживается железное правило: понять сперва, что тому виной — небрежность, недогляд работника или попросту умения, духа у него не хватило.

Когда готовятся к пуску агрегаты станции, чрезвычайно ответственный период — это затопление бьефа. Затопливается нижний бьеф — и сооружение сразу ставится под напор, испытывается на прочность. Здесь уже не техническая инспекция, шутят гидростроители, воду никак не уломаешь, не уговоришь. Если конструкция с малейшим браком, ей не удержаться, вмг рухнет. Хуриев вспоминает, как перед вводом первого агрегата Ташкумырской ГЭС неожиданно обнаружилось резкое отставание работ по нижнему бьефу. Строителей подстергало там слишком много неприятных сюрпризов. То вдруг появилась вода, где ее не ожидали, то скала у левобережной стенки оказалась куда тверже, коварней, чем предполагали. По расчетам осложнения могли возникнуть при сооружении здания ГЭС, при сдаче монтажниками нулевого цикла и подготовке путей для монтажа транспортера. И вдруг — отставание на нижнем бьефе. Хуриев был в затруднении. Вместе с главным инженером Виленом Сергеевичем Шангиным они долго мучились, отыскивая выход. В конце концов, пошли по испытанному пути — через бригады. Многие говорят Хуриеву, что, мол, это — игра в демократию, что ежели он будет отдавать столько времени бригадам, то упустит нечто более важное, определяющее для начальника столь крупного

строительства. Но Казбек Бексултанович не боится потерять там, где столь очевиден выигрыш. Как высоковольтная опора соединяет провода, идущие от ГЭС, и те, по которым ток устремляется дальше, так и руководитель, по сути, является опорным, связующим звеном всего коллектива.

Сначала Хуриев и Шангин держали совет с рабочими бригады Сейра Феттаева. Народ там опытный, толковый. Садились за общий стол, пригласив еще ведущих прорабов, начальников участков. От каждого требовалось мнение: как устранить разрыв? Немало было дельных предложений. Потом так же просто, без официоза, толковали с бригадой Мамасалы Сабирова. Сколько людей — столько точек зрения. Задача Хуриева, как он считает, хорошенько обдумать, взвесить все высказывания и, призвав на помощь техническую мысль — свою и главного инженера, выстроить определенную модель. В данном случае понадобилось произвести некоторую перегруппировку сил, наладить одновременную синхронную работу на всех участках. Затопление нижнего бьефа прошло успешно и в срок.

Частенко мы слышим об иждивенчестве и воленачалии. Да и встречаем их чуть ли не на каждом шагу. Они мнутся нам полюсами, хотя неразлучны, как пресловутые яйцо и курица, и поди определи всякий раз, кто кого породил. Но в любом случае воленачалие заметней, оно ребрами выпирает, иждивенчество же в тенечке прохлаждается, вприщур поглядывая, на кого бы еще свои заботы переложить.

Я знал директора довольно крупного завода, который руководствовался вроде бы теми же принципами, что и Хуриев. Он старательно выискивал причины заводских неудач, собственной грудью готов был закрыть прорехи. Но не успевал он закрыть одну, а уже рядом появлялась другая. Энергичный, грамотный специалист, он недоумевал: чем больше сам метался, находил способы для выполнения заданий, тем инертнее становились его подчиненные. А ему-то хотелось собственным примером подвигнуть их в лоно инициативности, предприимчивости...

При внешнем сходстве методов пути взаимодействия с коллективом у директора завода и Хуриева все-таки различны. Нет, Хуриев не станет кидаться на помощь кому-то из своих подчиненных, додумывать и решать за него, если знает, что тот и сам, поднапрягшись, сможет все это сделать. Тут ведь как: поможешь без особой нужды одному, другому, третьему, и хоть при этом особенно не надорвешься, зато азарта к работе, ответственности у людей прибавится. Правда, таковых среди командного состава стройки, кажется, нету, однако ж дай только повод, малейший толчок...

Едва услышав о моих сомнениях, Казбек Бексултанович тут же их начисто отменяет.

— Я, как начальник строительства, терпеть не могу послушных подчиненных, — говорит он откровенно. И хотя при этом легкая, доверительная улыбка трогает его смугловатое лицо под белоснежной шапкой волос, я представляю, как оно замкнется, станет холодным и отстраненным, а может, и надменным, едва Хуриев встретит субъекта, о коем ведет речь. — Если у человека воспитано слепое послушание, то для нас, гидростроителей, это не находка. Почему? Да потому, что такой человек лишен духа творчества — явления сколь привлекательного, сколь и противоречивого. А без творческой потенции он пуст — словно орех без ядрышка. Вот мы принимаем решение, даем указание. Но вся штука в том, что он обязательно должен выполнить это своим, а не моим почерком.

— Но, — возражаю я, — само по себе указание — это прокрустово ложе, и там особо не развернешься.

— Конечно, когда оно чрезмерно конкретизировано. В нем должен быть воздух, простор. Наши прорабы, начальники участков, управлений, бригады, а мы тщательно занимаемся их подбором, имеют свой, неповторимый почерк. Признаюсь, иногда страшно хочется вмешаться в середине процесса и сказать: делай так, а не эдак. Может быть, я, со своим опытом в три десятка лет, выполнил бы эту работу лучше. Но тогда я бы потеснил, подменил его. А это чревато. Пусть он сделает сегодня хуже, но зато своим почерком, завтра будет непременно лучше, а послезавтра он наберется опыта и из него получится классный специалист. Мне кажется

такой способ и воспитывает самостоятельность — основу основ демократических отношений в коллективе.

О Нарынских гидростроителей написано немало. Они в почете у журналистов, художников, кинематографистов. Порой даже создается впечатление, будто здесь работают чуть ли не идеальные люди, которым чужды зависть, карьеризм, лень, корыстолюбие, консерватизм и прочее. Возможно, почти так оно и есть, близко к истине. Но не потому, что эти качества напрочь отсутствуют, а потому, что в коллективе гидростроителей стараются не позволить им проявиться. Очищение, шлифовка — эта непрестанная работа коллектива напоминает трудягу-море, что денно и ночью освобождается от скверны. Тут не ждут лозунгов, призывов. Перелом, ускорение... Иные прямо-таки с ума посходили, только и твердят об этом, будто спали, спали, а толкнули их крепенько в бок — вот они и пробудились. Для многих же, в том числе и для руководителей «Нарынэнергогостроя», этот процесс начался давно, творится он непрерывно и страстный призыв партии воспринимается не как толчок для коренной ломки и перекройки всего прежнего, а как настоятельная необходимость еще усиленной работать в избранном коллективом направлении. Здесь исходят из ленинского тезиса: «Побольше знания фактов, поменьше претендующих на коммунистическую принципиальность словопрений... Для этого надо научиться скромности и уважению к деловой работе «специалистов науки и техники...»

Что же движет гидростроителями, что заставляет их презреть бесконечно возникающие трудности, тяготы и лишения? Зарплата? Увы, она, мягко скажем, невысока. Водитель столичного автобуса, получающий поболее, крайне недоволен, что ему приходится вставать чуть свет и тащиться в конце города к автопарку. А вот Мамасалы Сабиров, с которым мы возвращались как-то с Ташкумырской ГЭС, прикинул: он и его товарищи из Кара-Куля, где живут, ездят на работу сначала на Курпсай, теперь вот на Таш-Кумыр или Камбарату, ежедневно у них набегает по 120—130 километров, а за все десять лет они проехали туда-сюда столько, что хватит шесть раз обогнуть земной шар. И это по тряским, серпантинистым дорогам! Но гидростроители лишь для приличия поворчат-поворчат — и все. Понимают: иначе пока нельзя. Домой приезжают поздно, вымотанные, едва, казалось, заснул, уже подъем и — вперед! Может, я чуточку сгущаю, но только чуточку, не более.

Помню, проводили мы конференцию с читателями «ЛК» в управлении строительства. Было около семи вечера. В зале сплошь женщины, красивые, как на подбор, смотришь — восторг охватывает. Когда речь зашла об одной из рубрик журнала «Триумф эмансипации или?..», мы, воздав хвалу внешнему обаянию читательниц, их стремлению к духовному совершенству, посочувствовали, что-де мужчины, загруженные по макушку работой, наверное, обделяют их — своим вниманием. О, в какую ярость пришли наши читательницы!

— Да вы знаете, — пронеслось вихрем по залу, — они как работают, так и любят!

Такого единодушия женщин, умеющих по достоинству оценить своих мужчин, я, право, не встречал. Пожалуй, потому они столь очаровательны...

И все же: что движет гидростроителями, что делает их верными подданными своего Дела? Прежде всего — само Дело. Его захватывающий масштаб, перспектива, его престижность. В чреде важнейших планов и свершений республики строительству ГЭС на Нарыне отведена красная строка. И понятна та гордость, с которой рассказывают о своей работе бульдозеристы и монтажники, бетонщики и сварщики: ведь редкостная доля — участвовать в сооружении гидроэлектростанции. А тут их целый каскад! Учкурганская, Токтогульская и Курпсайская, почитай, в прошлом, Ташкумырская и Шамалдысайская уже, можно сказать, на подходе, ищутся подступы, чтобы крепко, основательно взять в оборот самые мощные — Камбаратинские

ГЭС. Площади под поселок для камбаратинцев отведены не бог весть какие, не райские кущи, но тот, кто отводил, знает нрав гидроэнергостроителей — они и эту песчаную белесую землю, по которой ветер гоняет перекасти-поле, сумеют облагородить, обжить. Я видел здесь первые дома, зеленые деревца подле них, видел трубы для подачи воды из Нарына, протекающего стороной, километрах в пяти. Начальник строительства Камбаратинских ГЭС Рахимов, молодой, плотный, неторопливый, скупой на слова, как и Хуриев, показывает пустырь — через год домостроительный комбинат встанет, подводит к могучей горе, у подножья которой мчит Нарын, — ею он будет перекрыт с помощью направленного взрыва. Все просто и впечатляюще. Характерная черта гидростроителей — мыслить категориями не только текущих, но уже и девятых годов. Они знают, какая работа предстоит их сыновьям и внукам.

В разговоре с Хуриевым я полубопытствовал: а не слишком ли часто и похвально пишет пресса о гидростроителях? Не вызывает ли это скептического отношения к ней: ведь при таком громадном строительстве всего, в том числе и неурядиц, хватает.

— Когда пресса по-доброму отзывается о коллективе, не об отдельных личностях, а о коллективе, это хорошо, — возразил Хуриев. — Мы проводили анкету, один из вопросов которой: что притягивает, привязывает людей к этой в общем-то не сладкой работе? Опрос более двух тысяч человек показал: интерес, необычность, важность своего дела. И пресса усиливает, как бы подчеркивает этот интерес.

(У В. С. Шангина на сей счет весьма спорная, мне думается, точка зрения: «Как только нас начнут приземлять, — считает он, — говорить, будто мы занимаемся рядовой, обыкновенной работой, коллектив, какой он сложился сейчас, перестанет существовать»).

Хуриев не упомянул, что в ответах на тот же вопрос анкеты решающим фактором притяжения к этой земле многие назвали доброжелательный, деловой, творческий климат в коллективе. Вот в таком сочетании, когда и работа любя, и взаимоотношения меж людьми по душе, вся суть. «Именно в труде и только в труде, — не уставал повторять Горький, — велик человек, и чем горячее его любовь к труду, тем более величествен он сам, тем продуктивнее, красивее его работа».

Из окна хуриевского кабинета открывается тихий, какой-то домашний Кара-Куль. Невысокие дома в густой зелени. Редкие припозднившиеся прохожие. Неумолчный пересвист птиц, которым, должно быть, приглянулся для обитания городок гидростроителей.

Хуриев задумывается, на какое-то время уходит в себя. И сразу заметней усталость, ссутулившая его плечи, глубокие морщины, что прочертили его лицо, словно карту — извивы рек. Спустя минуту-другую он вскидывает голову, лицо освещается улыбкой удивления. Кажется даже странным, что этот человек, широко известный среди гидроэнергетиков страны и своими научно-практическими разработками, и умелым руководством многотысячным коллективом, не утратил способности удивляться. Обычно такую способность приписывают лишь поэтам. Но если руководитель перестает удивляться привычным, оскотеневшим в добром или худом выражении вещам, то разве удастся их изменить?

— Наше управление сооружает гидроэлектростанции и обычные жилые дома, — говорит Хуриев. — ГЭС мы сдаем с опережением, добротность их несомненна, а вот что касается жилья, то здесь и сроки нарушаются, и качество хромает. Иной дом строится столько, сколько станция, хотя объемы работ, степень их сложности — это небо и земля! — Недоумевающие пожав плечами, он вновь замолкает.

В самом деле, этот колоссальный разрыв, эта огромная дистанция в отношении к созданию чего-то грандиозного и рядового, сверхважного и просто нужного, необычного и повседневного у нас просто поразительны. Будучи на первейших позициях в космической технике, мы в бытовой технике страшно отстаем, научившись бурить самые глубокие в мире скважины, мелковато пашем на хлебных полях. Возникает впечатление, что там, где

мы можем кого-то поразить, заставить завидовать или восхищаться, мы этого добиваемся вполне. Когда же надобно всего-навсего шить элегантный костюм или приличные туфли, то это нам оказывается вроде бы не под силу. Кому и чего, дескать, доказывать по пустякам. Ну, на кой леший, спрашивается? Как будто иначе и смысла нет. Не дай-то бог, чтобы в разряд рядовых у нас попала работа по строительству атомных и гидроэлектростанций, космических аппаратов, подводных лодок и прочего. Пусть лучше наоборот — любое дело считалось бы архипрестижным.

В Кара-Куле в нынешнем году сгорело два многоквартирных жилых дома. Были они деревянными, воспламенились мгновенно, спасти их, а также имущество жильцов не удалось. Счастье, что сами люди целы и невредимы. Расследованием занималась специальная комиссия. Обнаружили серьезные просчеты, из-за которых не удалось вовремя отвести беду. На бюро Таласского обкома партии Хуриев получил строгое взыскание.

Что бы ни стряслось в коллективе, руководитель за все в ответе. Это он понимал. И все-таки настроение у него было прескверное. Без всякой, казалось бы, связи с происшедшим он заговорил о том, что человек, который чтит свой труд, наверняка уважительно относится и к чужому труду. Ну, а ежели он в труде своем видит смысл существования, то вправе требовать от окружающих уважительного отношения к себе — как специалисту и человеку. Увы, подобное требование рассматривается порой с неверных позиций — мол, высокомерием, чванливостью пахнет. Но разве скромность имеет что-нибудь общее с поддакиванием и соглашательством? Скромный человек, в отличие от чванливого, требует только то, что заслужил, и ни капельки больше.

— О, как мы любим говорить о человеческом факторе, о конкретном подходе к конкретному человеку, — Хуриев откидывается на спинку кресла, в глуховатом голосе его улавливается грусть. — А людей знаем плохо. Зачем, скажем, ругать специалиста, если он сам, промахнувшись, непрерывно думает, как поправить дело? Я по себе знаю. Ложишься ночью спать, делаешь утром зарядку, а мозг моделирует одну ситуацию за другой. Едва находишь ошибку, стараешься поскорее избавиться от нее, отладить положение.

По просьбе управления «Нарынгидроэнергострой» ученые Киргос-университета проводили своеобразный хронометраж работы инженерно-технического персонала. Выяснилось, например, что специалисты на уровне начальников СУ и главных инженеров принимают в день до ста решений. Такое даже вообразить трудно. Но ученые — народ дотошный, их не проведешь, сколько есть, говорят, столько есть. Ладно, поверили им гидроэнергостроители. А дальше? Напринимали они решений, а какова их разумность, должным ли образом сработали? Хуриев сам попытался как-то проанализировать свои решения одного дня, минувшего, конечно, когда уже ничего не изменишь. Почти месяц он проверял их применительно к аналогичным ситуациям. И что же? Около 60 процентов решений — в общем-то не самые лучшие. Можно было бы принять другие — максимально точные. Но тогда он принял те. И это, говорит он, происходит каждый день. Причем, арифметика чрезвычайно проста: больше решений — больше ошибок. Смотрит Казбек Бексултанович иной раз на старших прорабов, начальников СУ, а они перегружены очень, и улыбается про себя: чем выше напряг работы, тем реальней просчеты и возможность взыскать за них. «Что же вы крутитесь, братцы, работаете до умопомрачения?» — хочется ему иной раз спросить. Впрочем, зачем спрашивать, если ответ и без того известен. Нравится, вот и крутятся. А как же иначе?

После случая с пожаром Икрам Усманович Рахимов намерен стены двухэтажных деревянных домов в Камбарате обложить кирпичом. Красиво и надежно. И вообще к строительству жилья, проблемам быта отношение у него еще обостренней, нежели у Хуриева. Потому, видно, сначала он говорит о сооружении домостроительного комбината, а затем уже — о ГЭС. Такова диалектика...

Хуриев не любит послушных подчиненных. Ему по нраву такие, как тот же Рахимов. А именно раскованными, свободными во взглядах, умелыми в творческих действиях людьми и славен коллектив гидроэнергостроителей. Изначально, традиционно. Как истинный руководитель, Хуриев ищет, подбирает, заботится о последователях, продолжателях — не слепых, а со своим, желательно — более совершенным почерком.

В последние годы при обновлении, формировании коллектива просматривается иная, чем прежде, тенденция: приглашаются на строительство не готовые специалисты, живущие за тридевять земель, а свои, доморожденные, из близлежащих районов. Конечно, их надобно учить всему — и профессионализму, и написанному кодексу взаимоотношений в коллективе, которые свято чтут гидроэнергостроители. Но игра, как считает Хуриев, стоит свеч. Порой приходится слышать, будто на Нарынском каскаде наметился некий спад энтузиазма, подвижничества, приверженности делу. Откровенно говоря, я этого не заметил. Хотя в свое время бывал и на сооружении Токтогульской, Курпсайской ГЭС. И все-таки, дабы моя симпатия к гидроэнергостроителям не перевесила истину, я попросил высказать свои соображения по этому поводу начальника «Киргизгидроэнерго» Жамалбека Тулебердиева. Он главный заказчик, ему и карты в руки. Заказчик может не обратить внимания на улучшение работ, зато даже малейшее ухудшение у него как бы под увеличительным стеклом. Тулебердиев, тоже опытный инженер, собран, элегантен, вопрос понимает с полуслова.

— Говорить о каком-то спаде, значит, не видеть огромного объема работ, выполняемых сейчас гидроэнергостроителями. Ведь вы посмотрите, — он берет ручку и, пользуясь ей как указкой, поворачивается к висящей у письменного стола карте. — Когда была Токтогулка, весь коллектив трудился только на ней. Скопление тысяч людей, масштаб самой стройки создавали потрясающее впечатление. А теперь тот же коллектив расщеплен по строительным площадкам в сущности пяти гидроэлектростанций, разделенных меж собой десятками километров. Вот и мнится некоторым, будто нет того, былого накала. Должен утешить их: при строительстве Камбаратинских станций концентрация сил и средств будет куда выше, чем на Токтогулке. И все то, что теперь словно бы по ручьям растеклось, опять соберется в могучую реку.

Нелегкая пора у гидроэнергостроителей. Завершать, возводить и начинать сооружение одновременно пяти станций — еще недавно такое и в голову не могло прийти. Но в том и сила коллектива, чтобы оставаться собой, а то и подниматься на ступеньку выше — при любых условиях, в любых испытаниях.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ